просвещению России» и «О необходимости и возможности новых начал для философии» обнаруживается, что они взаимно дополняют друг друга, образуя целостную концепцию построения образования, вполне характерную для представителей русской религиозно-философской мысли.

С.З. Гончаров

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ИВАН ИЛЬИН: ЭТИКА МОРАЛЬНОГО ДЕЗЕРТИРСТВА И НРАВСТВЕННОЕ МУЖЕСТВО СЛУЖЕНИЯ ОТЕЧЕСТВУ

Анализ И.А.Ильиным учения Л.Н.Толстого о непротивлению злу силой остро актуален для общественного сознания России. Раскрывая несостоятельность этого учения, точнее, проповеди, И.А. Ильин дает во многом непревзойденный анализ того душевно-духовного акта, которым гениальный русский писатель творил свои художественные произведения и благодаря которому заблуждался в области философских обобщений.

Ильин разработал новое направление в философии – духовную актологию. Мощь этого нового направления он раскрывает в своих трудах в области философии, политологии, права, этики, эстетики, искусствоведения. Вначале сделаем некоторые пояснения относительно художественного акта.

Что такое художественный акт?

Каждый художник творит самобытно, по-своему созерцая, вынашивая идею, находя образы, облекая в слова, звуки, линии, жесты. «Этот самобытный способ творить искусство и есть его “художественный акт”, – гибко-изменчивый у гения и однообразный у творцов меньшего размера»[1].

В творческом акте могут участвовать все силы души – чувственное восприятие, духовное созерцание, эмоции, вера, любя-

---

[1] *Ильин И. А.* Основы художества. О совершенном в искусстве // Собр. соч.: В 10 т. М.: Русская книга, 1996. Т. 6, кн. I. С. 104.

щее сердце, воля, мысль и их сложные образования. По *составу* он может быть полным или частичным. От этого зависит его *диапазон*. В нем может доминировать те или иные сочетания сил души, что определяет его *направленность* (эмоционально-сердечную, волевую и др.). Творческий акт может различаться по *вертикали*, в зависимости от уровня: это – уровень по-преимуществу *душевный,* поглощенный *внешним, чувственным* опытом, или *духовный*, обращенный к «небу», к божественным содержаниям, высшим, предельным и абсолютным ценностям. Можно отметить *гибкость* творческого акта – способность художника перестраивать свое «чувствилище» согласно своеобразию предмета.

Художник, писал Ильин, должен расширять, углублять свой творческий акт; или же, если это невозможно, держаться в пределах сродных ему сюжетов, тем и предметов. Так, художник, говорящий не из *сердца,* не должен браться за лирику. Художник, не включивший в свой творческий акт *волю*, должен помнить, что драма и трагедия ему не удадутся. Психологический роман будет недоступен беллетристу, прилепившемуся всецело к *чувственному опыту*. Мастер быта может почувствовать свое бессилие в описании *природы*; мастера сонаты ждет обновление творческого акта, как только он возьмется за оперу. Творческий акт перестраивается целиком при переходе от пейзажа к портрету, от скульптуры к барельефу и т.п.[1]. Художник призван культивировать свой творческий акт, «чтобы душа его владела всеми струнами, потребными вихрями мира и зовам Бога»; при этом искать не «оригинальности», что дано каждому, «а *художественной верности предмету*» [2].

И. А. Ильин излагает многообразие творческих актов. Есть мастера *внешнего* видения (Л. Н. Толстой) или *внутреннего* видения (Ф. М. Достоевский, Бетховен). Пушкин в равной мере вла-

---

[1] *Ильин И.* А. Основы художества… С. 105 – 106.
[2] Там же. С. 106.

дел тем и другим. В передаче *чувств* есть живописцы с холодным сердцем (Тициан, Дж. Беллини, Бронзино), умиленного сердца (Фра Беато Анжелико), поющего сердца (С. Боттичелли), растерзанного сердца (Козимо Тура), живописцы целомудренной любви (школа Византии и Сиены) и чувственного развала и безудержа (Рубенс). В литературе есть акты обнаженного и кровоточащего сердца (Диккенс, Гофман, Достоевский, И. Шмелев), замкнутой в сухом калении перегорающей любви (Лермонтов), знойной и горькой, чувственной страсти (Золя, Флобер, Алданов).

В передачи мира *воли* есть акты волевой мощи (Микеланджело, Шекспир, Мантеньи, Суриков), акт Врубеля знает и волевую судорогу («Демон», «Пророк») и влажно-страстное безволие инстинкта («Пан»). Образы Боттичелли и Перуджино лишены воли. Чехов-художник знает волевое начало собственной цензуры в отборе образов и материи, чеховский же персонаж – безвольно-влекомое создание.

В передаче мира *мысли* – то же многообразие творческих актов. Строгой, величавой и глубокой мыслью проникнуты образы Микеланджело (Бог-Отец, Моисей, пророки, сивиллы); Леонардо да Винчи мыслит всегда в своих образах, а Рафаэль – почти никогда; в трагедиях Шекспира мыслят герои. В романах Гете мыслит сам автор вместо своих героев. Творчество сменовеховца А. Н. Толстого не ведает мысли: подобно всаднику без головы, писатель носится по пустырям прошлого на шалом Пегасе красочной фантазии.

У большого художника, продолжает И. А. Ильин, акт гибок и многообразен. «Евгений Онегин» написан совсем иным художественным актом, чем «Полтава»; «Пророк» и «Домовой», «Клеветникам России» и «Заклинание» исполнены как бы на разных духовных «инструментах». Привыкший читать Золя и Томаса Манна должен перестроиться, чтобы внять Ивану Шме-

леву. Иной акт нужен для Тургенева и совсем иной для Ремизова и Бунина[1].

Бывают одинокие художники с широким диапазоном и духовно глубоким творческим актом, для понимания которого публика, увлеченная «современностью», еще не доросла. Так, отмечает И. А. Ильин, русско-византийскую икону открыли в России только в начале XX века потому, что русская интеллигенция XIX века все больше уходила от веры, и ее художественный акт становился светским, декаденско-безбожным и мелким. По той же причине русское предвоенное поколение не умело играть Шекспира; оно было мелко для него – безвольно, бестемпераментно, не героично, нигилистично, лишено трагического и философского парения. В этой же связи русская интеллигенция долго не имела органа ни для метафизической лирики Тютчева, ни для религиозно-нравственного эпоса Лескова. Огонь религиозного чувства загорелся лишь после первой революции 1905-1907 гг. Началось обновление всей духовной установки, и расцвела религиозная глубина художественного акта[2]. В дальнейшем, поколение, воспитанное на неистовом холодном безбожии большевизма, было не в состоянии внять голосу молящегося художника. Люди сами пылят на своем жизненном пути и потому не видят солнца – божественных благодатных лучей; тяготений и устремлений земного содержания к преодолению материи, к совершенству, к гармонии духа и природы, к художеству самой жизни. Поколение 90-х годов XX века, безверное, безбожное, одержимое гедонизмом и безволием, не поймет ни Пушкина, ни Ивана Шмелева.

Самым работающим моментом творческого акта художника является его медитация – отождествление с «самосутью мира», с его предметным составом, «субстанциальным естеством»; *целостная сосредоточенность всем сердцем и помышлением на предмете* произведения; приобщение к предмету, перевоплоще-

---

[1] *Ильин И. А.* Основы художества… С. 106 – 113.
[2] Там же. С. 111 – 112.

ние в него, слияние и идентификация с ним до потери граней своей личности. Такое глубинное погружение возможно благодаря духовному созерцанию предмета, когда художник говорит из него и о нем образами, облекая их в эстетическую материю. Пребывание в предмете есть *вдохновенное состояние духовно-душевного преображения* художника, уходящее в поддонные глубины его бессознательной инстинктивной области.

Художественный акт Л.Н.Толстого

Ильин мастерски реконструирует то своеобразное сочетание душевно-духовных сил, которое во многом проясняет не только художественное творчество Толстого, но и его мировоззрение, философские и этические заблуждения, а также и жизненную драму великого писателя[1].

Толстой, в отличие от Ф.М.Достоевского, – мастер воссоздания внешнего опыта, внутренний же мир личности ему был не по силам как художнику. В воссоздании душевно-духовных исканий персонажей Толстой впадает в резонерство и *этическое* педантство. В его творчестве, подчеркивал И.А.Ильин, участвуют два автора: «*Толстой-художник и Толстой резонер*»: «резонер работает закройщиком для того, чтобы художник мог свободно делать свое дело»[2]. Оба автора мешают друг другу: «у рассудочного мышления свои идеи-фикс, и оно всячески стремится к их воплощению»[3]. Пока Л. Н. Толстой не мыслит, он художник, а когда он начинает мыслить, читатель начинает томиться от нехудожественного резонирования (Пьер Безухов, Левин, Нехлюдов).

По этому поводу Тургенев в письме Анненкову писал: «Целые десятки страниц – целиком прекрасно и первоклассно все, что относится к домашнему повседневному обиходу, все описываемое – охота, ночная поездка на прогулку и т.д. <… >; в этом

---

[1] *Ильин И.А.* Лев Толстой как истолкователь русской души («Война и мир»). Мировоззрение Льва Толстого. Лев Толстой – художник и человек // Собр. соч. в 10 т. М., 1977. Т. 6. Кн. 3. М.: Русская книга, 1997.

[2] *Ильин И.А.* Лев Толстой как истолкователь русской души… С. 437.

[3] *Ильин И.А.* Мировоззрение Льва Толстого. С. 457 – 458.

романе имеются вещи, которые не мог бы написать никто в Европе, кроме Толстого, которые бросили меня в озноб и вызвали у меня обостренное наслаждение <… > здесь много прекрасного, но и слишком много безобразного. Это беда и мучение, когда самоучка пытается философствовать, и это в манере Толстого: он наверняка оседлает любимого конька, изобретет какую-нибудь систему, которая, как кажется, разрешает все очень легко, как, например исторический фатализм – и тогда начинается …<… > однако там, где Толстой касается земли, он, как великий титан Антей, вновь обретает свою силу…».[1]

С «Войны и мира», отмечает И.А. Ильин, Толстой начинает свой *великий протест* против всякой власти и государственности, против властителей – все они, с точки зрения писателя, причиняют вред. Здесь заявляет о себе будущий *анархизм* Толстого. Он ниспровергает вождей и великих государственных мужей. Все они предстают в романе как маленькие люди. Сводя великое к малому, Толстой *искажает объективную реальность истории* [2]. «Ведущая индивидуальность у Толстого исчезает; *ведомая ею людская масса становится самостоятельной движущей силой; инстинкт масс становится главной реальностью истории*»[3].

Толстой – мастер в изображении человека инстинкта. «Простой, обычный человек, без внутреннего надлома, без комплексов, наивный, без претензий, живущий одним днем заурядный малый; естественная без надрывов человеческая душа – с ее слабыми и сильными сторонами; с ее обычным жизненным укладом, сердечностью, пылкостью удаются ему легко, отливаются с огромной силой убеждения. Чем гармоничнее и проще натура, тем легче она дается. <… > Чуть сложнее, чуть интеллигентнее душа человека в плане ума, образованности; чуть только забрезжит не-

[1] Цит. по: Ильин И.А. Лев Толстой как истолкователь русской души… С. 436 – 437.

[2] Там же. С. 438 – 439.

[3] Там же. С. 449.

обходимость ее обрисовать и вывести раздвоенную неровную, более глубокую душевную ситуацию, как Толстой сталкивается с трудностями, которые преодолеть не умеет»[1]. Например, пишет Ильин, мастерски описаны заурядные люди инстинкта – граф Ростов, его сын Николай, дочь Наташа, капитан Тушин, партизан Денисов, Марья Болконская, князь Василий Курагин и его сын Анатоль, солдат Платон Каратаев. Но смутными бессодержательными предстают в романе Соня, Андрей Болконский, реформатор Сперанский, дерзкий бретер Долохов, деспотичный князь Николай Болконский[2]. Сам Толстой в письме Фету (1866) признавал свои неудачи в воссоздании образа Андрея Болконского: «Он однообразен, скучен…<… > Это правда, но виноват в этом не он, а я»[3].

Толстому удаются простые, непосредственные натуры. Он их «любит, лелеет, великолепно изображает; он мастер инстинкта…<… > Природный инстинкт для него – главная реальность в человеке, а инстинкт толпы как довлеющая себе сила – главная реальность истории»[4].

Сентиментальность – источник проповеди Толстого о непротивлении злу силой

Когда чувство берет верх над волей и разумом и становится самовластным, подчеркивал Ильин, тогда возникает опасность: настрой чувств в решающие моменты существования отдельной личности и народа может привести «к *ослеплению разума,* к *ослаблению воли*, к *утрате верных ориентиров*». «*Чувство* без *разума* переходит в необузданную страсть, способствующую вязкости души, бесхребетности. *Чувство* без *воли* становится беспредметным, бесцельным, бесформленным, непродуктивным. *Чувство* без *воображения* кончает закоснелостью, отрывом от действи-

[1] *Ильин И.А.* Лев Толстой как истолкователь русской души... С. 441 –442

[2] Там же. С. 441, 443.

[3] Цит. по: *Ильин И.А.* Лев Толстой как истолкователь русской души… С. 444.

[4] *Ильин И.А.* Мировоззрение Льва Толстого. С. 458.

тельности, снедает самого себя в безысходности»[1]. Разум формирует чувство, делает его содержательным, очищает и тем самым углубляет. Воля дисциплинирует чувство, дает ему цель, направление и созидательную силу. Воображение дает чувству свободу полета, выбора творческого пути[2].

Чувство и сердце без разума и воли сентиментальны. Лев Толстой предстает в своем мировоззрении «выразителем и идеологом сентиментальности». Сентиментальность – это буйный размах беспочвенного, беспредметного и бесформенного чувства, которое довольствуется собой, упивается собой, пытаясь вызвать к жизни слепую сострадательность. Сентиментальность – это *беспредметная разомлелость души*…<… > ей не хватает решительности, смелости взять ответственность, не хватает напористости в борьбе за добро»[3]. Эту решительную силу характера, призванную созидая, вести за собой, осуждает и подтачивает доктрина Толстого[4].

Толстой начинает свою тотальную критику культуры, государства, церкви с социальной несправедливости буржуазного устройства жизни – с экономического, социального и культурного *неравенства* людей. Богатый и бедный, начальник и подчиненный, властвующий и подвластный, жирующий и голодный, образованный и необразованный – все это несправедливо, невыносимо и должно быть ликвидировано. Духовная культура означает наличие элиты, неравенства, т.е. несправедливость, безнравственность. Значит, наука, искусство, церковь, политика, частная собственность – то, в чем знают толк и добиваются успехов лишь немногие, все это – вздор и должно исчезнуть. С наивной, дерзкой уверенностью он принимается за реформирование христиан-

---

[1] *Ильин И.А.* Мировоззрение Льва Толстого. С. 459.
[2] Там же. С. 460.
[3] Там же. С. 460.
[4] Там же. С. 460.

ства и очищает христианскую веру от всего, что считает неясным и вредным[1].

Из какого основания исходит Толстой в своей критике? Такое основание состоит из следующего. Толстой требует *безоговорочной любви к ближнему*; остальное – не в счет. В центре его внимания – проблема *морального совершенства* человека. Мораль – *единственная самодостаточная ценность жизни;* вся его философия во второй половине жизни (1889 – 1910), после того как в его мировоззрении произошел коренной переворот, сводилась к морали. В этой морали было два истока: *сострадание*, которое Толстой называл «любовью», и абстрактный, резонерствующий *рассудок*, который он называл «разумом». «Сострадание дает пищу для его морали; а рассудок подталкивает к формальному теоретизированию»[2]. И вот морализирующий рассудок сметает словно вихрь, все, что противоречит философии Толстого.

Философия же его весьма проста: человек призван любить, т.е. *сострадать* всем страждущим; чиста и добра лишь сострадательная любовь; человек должен работать физически и таким способом зарабатывать свой хлеб; любая другая работа есть видимость и обман; только физический труд научит праведному, простому по-крестьянски образу жизни – в поте лица своего, с мозолями на руках. Все остальное – мнимая ценность[3].

Толстой – аутист в мировоззрении, философии и культуре, в созерцании и оценках[4]. То, что ускользало от его понимания, он отвергал решительно. Толстой «был художником по призванию и проповедником по темпераменту, но никогда – исследователем, никогда – философом»[5].

Ильин убедительно прослеживает, как *мораль любви и морализирующий рассудок* ведут гениального художника к отрица-

---

[1] *Ильин И.А.* Мировоззрение Льва Толстого. С. 461.
[2] Там же. С. 462.
[3] Там же. С. 462.
[4] Там же. С. 463.
[5] Там же. С. 465.

нию науки, искусства, права, государства, Отечества и приводят к *религиозному, правовому, государственному и патриотическому нигилизму* [1].

Что же Толстой оставляет для души человека? Оставляет он *сентиментальное сострадание* как *высшее призвание* человека. Логика Толстого такова: страдание есть *зло*; надо запретить одному причинять страдания другому, неважно, делается им это в целях воспитания или самозащиты. Все остальное в жизни человека объявляется неважным или вредным. Человек предстает в доктрине Толстого лишь как *страдающий* субъект или же как *сострадающий* субъект. Хорошо, если люди не мучают друг друга, не причиняют страданий и сострадают. Плохо, если люди мучают друг друга и не сострадают. Высшее добро – *не страдать*, а высшая добродетель – *сострадание*. Отсюда следует конечный вывод: «Не сопротивляйся злу силою». Ибо кто применяет силу, тот причиняет новые страдания, что равнозначно накоплению зла. Сентиментальный морализм Толстого – «это повышенная, но духовно беспредметная и безвольная чувствительность»[2].

Так Толстой с его толкованием страдания как зла стремительно движется к *эвдемонизму и гедонизму*. В действительности же страдание сопровождает всякое духовное делание и творчество. Человеку, отмечает Ильин, легче всего идти на поводу удовлетворения своих потребностей и наслаждений; труднее же – зародить в себе зерно духовного совершенства, взращивать его, двигаться в созидательном направлении. «Путь, ведущий вверх, человеку доступен, но – *лишь в страданиях* и *через страдания*. А бремя страданий в этом случае состоит как раз в том, что перекрывается и делается недоступным для него путь вниз – к простым примитивным наслаждениям»[3].

---

[1] *Ильин И.А.* Мировоззрение Льва Толстого. С. 466 – 477.
[2] *Ильин И.А.* Там же. С. 471.
[3] *Ильин И.А.* Там же. С. 472.

Страдание, возражает Ильин Толстому, – это «цена за духовность», за «преображение животной сущности человека в сущность ценностную»; оно – «конец беспечной жажды наслаждений», «источник стремления к духовности», «начало очищения и очевидности, мудрости, созидательного труда», «страдания мобилизуют и воспитывают человека» [1].

В последние годы свой жизни, писал Ильин, великий художник устает от рассудочного проповедничества и «начинает *художественно петь*». Он начинает сам жить добром и любовью, к которым стремился. Он бросает свое вечное «нет». «Великое сердце поет; и его стиль – такой беспомощно запутанный, такой тяжеловесный, такой узловатый, такой громоздкий в его доктринерских сочинениях, становится вдруг снова легким, естественным и плавным; как весенний воздух, струятся фразы; как сама жизнь возникают перед нами образы; словно песня проносится в художественном пространстве каждая его новелла, и читатель порой даже не замечает, что к концу ее сердце его купается в неге умиления, а на глаза наворачиваются слезы радости. <… > И зрелое мастерство его достигает своих высот»[2].

Дискуссия о допустимости в России смертной казни

Вопросы о России, ее культуре и о ее будущем прямо связаны с волевой готовностью *служения*. Высшее, совершенное и родное защищают словом, делом и мечом. Проблема национально-культурной идентичности переходит по существу в проблему духовно-нравственного состояния армии и предстает как вопрос об этике, точнее, нравственной основе воинского служения. Российская армия нуждается в такой основе.

В конце 2009 года в СМИ обсуждался вопрос о допустимости смертной казни в России. Суждения были противоположными. Сторонники смертной казни обосновывали свою позицию тем, что особо опасные преступники угрожают безопасности об-

---

[1] *Ильин И.А.* Мировоззрение Льва Толстого. С. 473 – 474.
[2] *Ильин И.А.* Лев Толстой – художник и человек. С. 485 – 486.

щества, и что крайним злодеяниям надо противопоставить не только закон, но и меч правосудия, отмена же смертной казни будет способствовать еще бóльшим преступлениям. Оппоненты приводили ряд аргументов. Во-первых, ссылались на религию: Бог дал жизнь человеку, и не нам, людям, отнимать жизнь у преступника; во-вторых, сторонники смертной казни исходят из древнего чувства мести «око за око, зуб за зуб»; в-третьих, пожизненное заключение приносит заключенному больше страданий, нежели высшая мера наказания; в-четвертых, возможны ошибки в вынесении приговора, пострадает невинный человек.

В целом, в подтексте выступлений противников смертной казни чувствовался рефрен: не по-христиански это – лишать человека жизни. Представители Русской православной церкви уклонились от публичного обсуждения столь важного и сложного вопроса.

Хотя точка зрения оппонентов была закреплена решением Гос. Думы, осталось какое-то чувство недосказанности, недовыявленности сути дела. Какова же была в прошлом позиция Русской православной церкви, всегда придерживающейся заветам Евангелия?

В «Православной газете» пять лет назад профессор Московской духовной академии диакон Андрей Кураев, коснулся упомянутой темы, обсуждая вопрос «Как относиться к исламу после Беслана?»[1]. Уважаемый автор статьи обоснованно утверждает об ответственности той части улемов, которые побуждают мусульман к террору против «неверных» ссылками на Коран. При этом автор специально не обсуждает вопрос – чему учит трагедия в Беслане православных христиан. Однако мимоходом А. Кураев приводит историю из деяний Константинопольского Патриарха святителя Полиевкта, который не только отказался причислять к

[1] *Кураев Андрей.* Как относиться к исламу после Беслана? // Православная газета – 2004 от Р. Х. №36.

лику святых всех воинов, павших на войне с арабами, но еще и ответил императору, что оставшиеся в живых воины только по снисхождению допускаются к принятию Святых Тайн, от которых они должны были бы отлучаться на пять лет «как пролившие кровь».

Автор поясняет: «Мотив Патриарха понятен: нельзя воевать без ненависти. А ненависть опаляет душу». По смыслу церковных канонов и воин, вернувшийся с войны, «нуждается в духовном лечении и покаянии, а потому и подлежит временному отлучению от Причастия». А. Кураев ссылается, в частности, на 55-е правило Св. Василия Великого, которое отлучает от причастия и тех, кто «силой меча сопротивлялся разбойникам».

Приведенные выше соображения А. Кураева побуждают задуматься над вопросом – как соотносятся, с одной стороны, любовь к Богу и ближним, а, с другой стороны, меч воина, пресекающий реальные злодеяния?; *допустимо ли вообще сопротивляться злу силою*?

В сознании многих людей существует мнение о христианской позиции как непротивленческой (ударили по одной щеке, подставь другую). Ссылки диакона Кураева на церковные каноны только подкрепляют такое мнение, и из них читатель может сделать вывод: сопротивление злу силою есть грех.

Но непротивление злу по последствиям означает подчинение ему, участие в нем, превращение себя в его рассадник. С другой стороны, взявший меч от меча и погибнет. Такова антиномия, которую разрешил
в своей книге православный мыслитель И.А. Ильин «О сопротивлении злу силою», она была опубликована в 1925 году. И после ее публикации он продолжал исследование темы, углубляя ее разные аспекты в дальнейших публикациях и многих публичных выступлениях.

Эту книгу желательно прочесть каждому воину, будь то солдат или офицер, каждому юноше, получающему паспорт, не-

зависимо от вероисповедания и национальности. В ней Ильин раскрывает несостоятельность учения Л.Н. Толстого о непротивлении злу силою и обосновывает *этику воинского служения*. Мы попытаемся познакомить с наиболее важными для нашего времени положениями этой очень поучительной книги и раскрыть потенциал совершенства и духовности в решении трагических вопросов жизни.

Иван Ильин о сопротивлении злу силой

Ряд причин побуждал Ильина исследовать эту тему на протяжении всей жизни. Во-первых, злодеяния в России, которые он застал при большевиках; далее, шаткость ума и воли интеллигенции, «белибердяевщина» в идеологии; наконец, личная ответственность за будущее России.

Одна из причин великой беды, постигшей нашу Родину, отмечал Ильин, состоит в неверном строении русского характера и идеологии, особенно в широких кругах русской *интеллигенции.* Эта неверность есть сентиментальность – «духовно слепая жалостливость, преобладание чувства над волею и обывательского настроения над религиозностью», «беспредметная размягченность души, не умеющей любить Божественное всей душой, не умеющей решать, принимать на себя ответственность и вести волевую борьбу»[1].

Шаткость воли интеллигенция насаждала в душу народа весь XIX век. Она размывала крепость веры, вселяла западное идолопоклонство, уродливые идейные нелепицы в журнально-газетной публицистике, играла парадоксами ради парадоксов. Так, В.В. Розанов отождествляет религиозное состояние души с половым возбуждением и всю жизнь проповедует сексуализацию религии и религиозную святость секса. Н.А. Бердяев проповедует, что Бог есть существо двуполое и что человек тем ближе к Бо-

---

[1] *Ильин И.А.* Идея Корнилова. Из речи, произнесенной в Праге, Берлине и Париже // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1995. Т.5. С. 224.

гу, чем более он подобен гермафродиту. С.Н. Булгаков дает новое откровение о Святой Троице: Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой имеют общую возлюбленную Св. Софию, они по очереди истощают себя в любви к ней, и она от них зачинает и родит видимый мир. Поэты Вяч. Иванов и др. воспевают проститутку как Пречистую Деву[1].

В сочетании «безвольной сентиментальности, духовного нигилизма и морального педантизма» окрепло учение Л.Н. Толстого о непротивлении злу силою. Зловредность его воззрений «превосходит во многих отношениях все то, что сделали все остальные, вместе взятые». Его учение – настоящий духовно-культурный нигилизм. Ради сентиментально истолкованной добродетели Толстой отрицает «государство, науку, искусство и христианскую положительную церковную религиозность»[2].

Его понимание сводилось к отвержению мира и к непротивленчеству. Любовь есть «жалостливость» и исключает «меч». Сопротивление злу силою есть преступное насилие. Любит не тот, кто борется, а тот, кто бежит от борьбы. Жизненное патриотическое дезертирство толкуется Толстым как проявление святости. Можно и должно предавать дело Божие на земле ради собственной моральной праведности[3].

Надо любить (по Толстому, жалеть) человека, сострадать ему, уговаривать и не огорчать его. Живи сам доброй жизнью и предоставь других самим себе. Любовь исключает саму мысль о физическом сопротивлении злу. *Сопротивление злу силою есть преступное насилие* – эта основная неверная посылка Л. Н. Толстого, из которой следовали все его последующие суждения.

Внешнюю борьбу со злом надо, по Толстому, прекратить раз и навсегда. Все, кто к ней причастны – разбойники и револю-

---

[1] *Ильин И.А.* О сопротивлении злу силой // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1995. Т.5. С. 267.

[2] *Ильин И.А.* Там же. С. 267.

[3] *Ильин И.А.* Идея Корнилова… С. 225.

ционеры, политики и министры – люди заблудшие. Мораль Толстого эгоцентрическая: важно, что я сострадал, а не тот, кому я сострадал; главное – моя моральная безукоризненность и праведность.

Художественный гений Толстого, созвучие его учения шаткости российской интеллигенции способствовали большой популярности непротивленчества. Эта идеология ослабила души людей и парализовала государственную волю в борьбе со злом. Многие извлекали свои силы из этой борьбы, видели свою доблесть в «робкой уступчивости сатане и хоронились по щелям в час гибели родины». Непротивленческая установка крепла весь XIX век, пробираясь все выше и парализуя государственную волю в России. Отречение двух законных государей завершило этот процесс. Эта же установка, внедряемая либерально-демократической публикой, парализует государственную волю и в современной России в борьбе со злом.

Непротивленчество, отмечает Ильин, – «идеологическая гангрена: не справившись с нею, русские люди не построят России»[1]. Вопрос о сопротивлении злу – это вопрос о способности народа защитить от злодеяний Дело Божие, свой дух и свое тело, свою веру и культуру, государственность и территорию. Поэтому надо перевернуть раз и навсегда толстовскую страницу «русской нигилистической морали и восстановить древнее русское православное учение о мече во всей его силе и славе»[2].

Книга Ильина сугубо теоретическая, философская, она содержит не только антитезис учению Толстому, но и синтез верного решения: сопротивляйся всегда, движимый любовью – «самосовершенствованием, духовным воспитанием других, мечом» [3]. В ней вопрос решается с позиций предельных оснований: божественное – дьявольское.

---

[1] *Ильин И.А.* О сопротивлении злу силой. С. 269.
[2] *Ильин И.А.* Идея Корнилова… С. 225.
[3] Там же. С. 227.

Ильин привлекает тексты Евангелия, факты истории, тщательно сверяет свои положения с суждениями отцов церкви. Он опирался на поддержку митрополита Антония, архиепископа Анастасия Иерусалимского, епископа Тихона Берлинского. Содержание книги им нравственно выверены. «Я искал решения вопроса, настоящего религиозного перед лицом Божиим». По исторической преемственности, богословской и правовой компетентности, философской глубине и основательности, систематичности и полноте, смысловой прозрачности текста его труд представляется классическим произведением.

Книга Ильина – органичный момент в его духовном наследии, которому присуща художественная целостность, проистекающая из единого источника – постижения совершенства Божия. Для верного ее понимания необходимо выявить *исходные принципы автора* и полемизировать по их поводу в первую очередь, а уже после – по поводу следствий из принципов. Не реконструировав эти принципы, оппоненты Ильина, по сути, не поняли *нравственного* существа книги и с издевкой уличали автора в чем угодно – в несвоевременности работы, в ложном пафосе, в гордыне, палачестве, чекизме, нерусскости и т.д. Но кроме личных нападок на автора у них ничего иного не получилось.

В своем труде Ильин исходил из ряда принципов. Во-первых, совершенство Божие есть абсолютный критерий дозволенного и недозволенного. Совершенству, (гармонии истинного, доброго, прекрасного) противостоит дьявольское ничтожное содержание (лживое, злое и безобразное). Ничтожное является таковым потому, что оно у-*ничто*-жает тяготения к совершенству и живет пафосом вечного отрицания и погибели цветущих форм бытия. Ничтожное начало не самостоятельно, оно расширяет поле своего действия тогда, когда *не встречает преград.*

Во-вторых, любовь, укоренившаяся в совершенство Божие, преобразуется из душевной любви в *духовную*. Именно духовная любовь становится зрячей в различении добра и зла, она ведает

абсолютным критерием в отличие от любви душевной, релятивной.

В-третьих, зло есть лик *дьявольский,* начало антибожественное, *противодуховное и антилюбовное*. Через внешние проявления оно разрушает совершенные начала жизни. Борьба со злом абсолютна и *безусловна по сути*, но относительна и *условна по месту и времени, по выбору форм борьбы*. Недуховная же любовь как раз не улавливает абсолютности и безусловности противостояния божественного дьявольскому, добра злу: она видит *лишь относительное и условное* и поэтому впадает в релятивизм; не прозревает за душевно-психическими качествами людей *духовно-нравственного отношения* между добром и злом, поэтому вместо твердого «нет» она прибегает по отношению к злодею к уговорам, и жалости, состраданию и сочувствию. Беды недуховной любви проистекают из одного: она не знает *абсолютного критерия*, Божественного; из такого неведения проистекают ее ценностная размытость, волевая шаткость и ставка на неопределенную «гуманность», которая толкуется вкривь и вкось. Сентиментальные моралисты толкуют гуманность, как правило, в свою пользу.

В-четвертых, Ильин исходит из определенного ранга ценностей: Бог выше человека, духовное отношение выше душевного. Самым ценным в человеке он признает «образ Божий», а степень значительности или падения человека определяет мерой его духовности или противодуховности. Основным условием в решении проблемы добра и зла он полагает постановку вопроса «о самом лучшем», объективно совершенном. Христианин ставит свою совесть перед совершенством Небесного Отца и вопрошает его о «нравственном идеальном отношении человека к человеку», и перед лицом Божиим совесть дает ему ответ о самом лучшем и

о праведном[1]. При таком ранге ценностей человек может понять зло без индивидуальных пристрастий.

В-пятых, вопрос о сопротивлении злу – это вопрос о «мироприемлющей любви». Кто принимает мир, тот готов защитить в мире самое дорогое для него. Кто приемлет мир как творение Божие, тот зорче видит земные устремления к совершенству. Отвергающий мир ничего в мире не ценит. Ему нечего оборонять. Он отвергает меч. Как духовный дальтоник он не различает в мире Божественное и дьявольское, добро и зло, Георгия Победоносца и закалываемого им дракона. Но отвергающий мир действительным образом должен отвергнуть и самого себя в мире. Всякий не убивший себя человек, приемлет мир. Поэтому для каждого живущего в мире проблема меча имеет смысл.

Из этих принципов следуют постановочные вопросы для обсуждения: «Смеет ли человек, стремящийся к нравственному совершенству, сопротивляться злу силой и мечом? Смеет ли человек, религиозно приемлющий Бога, его мироздание и свое место в мире, не сопротивляться злу силой и, когда необходимо, то и мечом»[2]?

Ильин настаивает на том, что добро и зло гнездятся *только в душе* в виде чувства и помыслов, решений и намерений. Во внешних материальных процессах самих по себе нет ни добра, ни зла. «Порез на теле нравственно нейтрален». Поэтому борьба со злом – процесс внутренний, духовный. Побеждает зло тот, кто превращает его в добро; кто преображает каменеющую ненависть в благодатную любовь. В этом, отмечает Ильин, заключена основная сущность борьбы со злом и победы над ним. Физическое пресечение зла имеет дело не с самим злом, а с его *внешним проявлением – злодеянием*; оно не проникает в ожесточенную душу, не преобразует ненависть в любовь, а лишь *ограждает* других

---

[1] *Ильин И.А.* О сопротивлении злу силою // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. С. 189.

[2] *Ильин И.А*. О сопротивлении злу силой. Т. 5. С. 269.

людей от злодеяния и удерживает от злодеяний тех, кто способен соблазниться злом. Толстой призывает к внутреннему преодолению зла. В этом он прав, и Ильин в данном обстоятельстве с ним соглашается. Но далее Ильин аргументирует свою позицию, которая *отрицает* непротивленчество.

Если бы человек был существом духовным и бестелесным, или если бы человек переживал зло одной душою и, обладая телом, был бы лишен возможности проявлять зло вовне, телесно, тогда физическое воздействие на злодея потеряло бы смысл. Но в действительности душа и тело передают друг другу свои состояния, и человек изливает зло во внешние поступки. Его тело передает его душе чужой протест против его злодеяний. Поэтому физическое воздействие имеет смысл при определенных условиях.

Там, где духовное воздействие оказывается *бессильным,* и злая воля выступает в качестве внешней силы, как слепая злоба, ожесточенная, агрессивная, безбожная, духовно растлевающая – необходимо злодея *заставить* – наложить извне волю на внутреннюю или внешнюю деятельность человека и пресечь ее.

Заставить можно психически, обращаясь к душе (приказ, запрет, угроза и т.д.), или физически, обращаясь к телу. *Заставление не совпадает с насилием*. Оно может быть дозволенным. *Насилие же в принципе не дозволено*. Насильник говорит своей жертве: «ты – средство моего интереса и моей похоти, ты – не автономный дух, а подчиненная мне одушевленная вещь, ты во власти моего произвола»[1]. Толстой же *отождествляет* заставление с насилием.

Человек, пресекающий злодеяния, не попирает *автономию* злодея, а требует ее *восстановления*. Он движим не злобой, а силой утверждения *справедливости*. Толстой же называет *всякое заставление насилием,* отвергает внешнее заставление как ответ злом на зло, как покушение на свободу другого. Внешнюю борь-

[1] *Ильин И.А.* О сопротивлении злу силою. С. 76.

бу со злом надо, по Толстому, прекратить раз и навсегда. Здесь заключен *источник заблуждений* великого писателя и его многочисленных последователей. Ведь само внешнее физическое воздействие не есть зло потому, что ничто внешнее само по себе не может быть ни добром, ни злом; «оно может быть таковым только как проявление внутреннего добра и зла»[1]. Физическое заставление было бы злодеянием, если бы оно было «противодуховно и противолюбовно».

Человек может прибегнуть к самозаставлению. Немощь в самозаставлении (самопринуждении) ставит вопрос о психическом понуждении со стороны других. Воспитывать слабохарактерных – значит учить их самопринуждению к добру, а не ко злу. Для человека, слабого в добре и не окрепшего во зле, внешнее психическое понуждение со стороны родителей, учителей, церкви и государства есть могучее подспорье. В заставлении физическое воздействие образует последнюю стадию. Оно необходимо, когда самозаставление не действует, а внешнее психическое понуждение оказывается несостоятельным. Мечта переродить злодея одним нравственным совершенством как примером других людей несостоятельна потому, что «преображение злодея должно быть его личным самостоятельным актом, а не отблеском чужого совершенства»[2].

Сентиментальное жалостливое безволие непротивленцев прикрывается ссылкой на волю Божию (как ныне в России относительно отмены смертной казни). Воля Божия толкуется непротивленцами избирательно. Когда злодей обижает не злодея (растлевает детей, кощунствует над святынями и губит Родину), то это «угодно Богу». Когда незлодей сопротивляется злодею силою, то это Богу не угодно. Воля Божия состоит, по мнению непротивленцев, в том, чтобы «*никто не обижал злодеев, когда они*

---

[1] *Ильин И.А.* О сопротивлении злу силою. С. 44.
[2] *Ильин И.А.* О сопротивлении злу силой. С. 277.

обижают незлодеев»[1]. Непротивленцы не приемлют волю Божию тогда, когда такое приятие *повело бы их к героическому волевому служению.*

Толстой мораль ставит выше религии, а «гуманное» выше Божественного. Гуманное он возвел в абсолютное. Тело злодея для него неприкосновенно. Исток его морали – «чувство жалостливого сострадания». Человек выступает для него или страдающим, или жалеющим. Его религия – «мораль сострадания». Он не человека осветил лучом любви к Богу, чтобы обрести абсолютный критерий нравственности, а восприятие Бога затемнил состраданием к мучающимся людям[2]. Это жалостливая, бездуховная любовь общественно вялая, безразличная к последствиям.

Христианство учит духовной любви. Эта любовь избирает то, что является объективно лучшим не только для данного человека, данной группы людей, но то, что по своему содержанию спасительно и целительно для каждого человека; она ценит в человеке не все без разбора, а «образ Божий», стремление к совершенству. Любовь к ближнему есть любовь к его духу, а не «просто жалость к его страдающей животности»[3]; она есть в первую очередь связь духа с духом, а потом – души с душой, тела с телом. Духовно зрячая любовь знает объективно лучшее, ценит его достоинство и готово к его обороне силой и мечом; она ограничивает действие душевной любви в ее «непосредственном наивном разливе». Человек, угасивший в себе образ Божий, нуждается не в безвольном «да», а в сурово-осуждающем «нет». Это отрезвляющее «нет» проистекает из *любви к божественному* в падшей душе. Так возникает «*отрицательный лик любви*», производный от ее *силы в добре*.

Сильный в добре силен в отрицании зла. Отрицающая любовь желает каждому человеку духовного просветления; встречая

---

[1] *Ильин И.А.* О сопротивлении злу силою. С. 121.
[2] Там же. С. 123.
[3] *Ильин И.А*. Там же. С. 113.

подлинное зло («самоутверждающуюся противодуховную злобу»), она усиливает свое «нет» в такой последовательности: неодобрение, несочувствие, выговор, осуждение, отказ в содействии, протест, обличение, требование, психическое понуждение, строгость, суровость, бойкот, физическое понуждение, пресечение, казнь[1].

Кто пресекает зло силою, тот допускает в себя нравственно-несовершенное, ущербное состояние. Ибо физическое пресечение зла будит страсти, азарт, кровожадный инстинкт. Отрицающая любовь – урезанная и не святая, она безрадостна и мучительна, сурова и жестка. Она требует *духовной верности и самоочищения, стойкости и выдержки, силы и подвига.*

Решение проблемы сопротивления злу силой

Ильин дает *следующее решение* трагической проблемы. Тот, кто перед агрессивным злодейством требует идеального нравственного исхода, не понимает «*жизненной трагедии»* – в такой ситуации *идеального исхода нет*. Ибо идеальный исход – это исход *праведный*, т.е. *нравственно совершенное деяние*. Неосуществление такого деяния есть исход неправедный. *Всякий грех есть неправедность, но не всякая неправедность есть грех.* Человек грешен тогда, когда он мог совершить дело праведно, потому что *объективные* условия это допускали, но *субъективно* он оказался не на высоте возможностей. Но бывают ситуации, когда объективные условия *исключают* праведный исход. Человек понимает это и, тем не менее, идет на него, пытаясь найти «наименее неправедный исход». Такой поступок есть *сознательное осуществление неправедности.* Но он *не является* грехом. «Это есть не отпадение от совершенства по субъективной слабости, а отступление от совершенства по объективной необходимости и проявление субъективной силы». В такой ситуации человек творит *не грех, но служение* должному совершенству.

---

[1] *Ильин И.А.* О сопротивлении злу силою. С. 150.

Нравственно-совершенное обязательно для каждого человека всюду, где ему объективно доступен праведный исход. Там же, где такой исход не доступен объективно, там для человека обязателен неправедный исход с наименьшей неправедностью. Ильин делает вывод: «*Нравственно-несовершенное не всегда практически запретно. Оно не запретно именно там, где объективно невозможен праведный исход*»[1].

Путь меча неправедный. Но мудрость жизни состоит в необходимости «мужественно вступать в неправедность, идя через нее, но не к ней, вступая в нее, чтобы уйти из нее». Да, путь меча неправедный. Но разве есть, восклицает Ильин, другой, праведный? Не тот ли путь сентиментального непротивления, как «путь предательства слабых, соучастия со злодеем»? Человек может потакать злу или сопротивляться. В первом случае он мечет бисер перед свиньями, чтобы не быть растерзанным. Злодей, попирающий духовное достоинство человека, ставит каждого перед дилеммой: «предать дело Божие, соблюдая свою праведность, или быть верным Богу, избирая неправедный путь»[2]. Мужество и честность требуют духовного компромисса, приятия своей личной неправедности в борьбе со злодеем.

Положение меченосца «*нравственно-трагическое*». Выход из него по плечу *духовно* сильным. Сильный человек не бежит от зла в «мнимо-добродетельную пассивность», но *входит в трагическое положение, чтобы изжить его*. В этом – его подвиг борьбы и духовного напряжения. Он выносит свои поступки, чтобы пронести «совершенное дело». Он не отрекается малодушно от содеянного, но и не идеализирует его нравственное содержание. Он очищает религиозно свою душу, но не раскаивается. Ибо он *не праведен, но прав*, творит не грех, но служение.

Справедлив меч, движимый положительной любовью к делу Божию и к Родине, и отрицательной любовью к злодейству. Меч

---

[1] *Ильин И.А.* О сопротивлении злу силою. С. 195.
[2] *Ильин И.А.* Идея Корнилова… С. 464.

не свят, не праведен, но он необходим в борьбе за дело Божие с силами ада и злодейства.

Ошибочно освящение силы и меча, их вознесение «на высоту совершенства и святости». Это – ветхозаветная традиция, понимающая Божество как «совершенство силы», а не как «совершенство любви и добра». Ошибочно так же налагать запрет на силу и меч, ибо обращение к ним может быть «нравственно и религиозно обязательным». Ошибочно слагать с себя ответственность и перелагать ее на Бога: мол, меч направляет не моя рука, а Бог через меня. Это путь к вседозволенности и деморализации. Это, добавим, американская манера.

Кто не выходит из любви к Богу, тому не страшно временное отступление от праведности. Он чище и выше борьбы со злом, она не сломает его. Принять бремя меча, опасностей и страданий может тот, кто утвердил свою любовь и жизнь в свете совершенства Божия. В любви ко Христу он имеет живую основу своего личного духа и черпает в ней силу подвига и очищения.

Церковь и государство, монах и воин необходимы друг другу, они совместно утверждают и обороняют *дело Божие – земные содержания в их тяготениях и устремлениях к совершенству.* Молитва монаха – это духовный меч, пресекающий в душе злые помыслы. Меч воина – «огненная молитва», ограждающая дело Божие от злодеяний. В Православии *молитва направляет меч*, но не наоборот. Такова молитва св. Сергия Радонежского и таков меч Дмитрия Донского.

Христос учил не мечу, а любви. Но ни разу не осудил он меча, «ни в смысле организованной государственности, для коей меч является последней санкцией, ни в смысле воинского звания и дела»[1]. Ильин цитирует Апостольские послания, где обосновывается меч. Апостол Павел [Римл. 13: 3-5]: «Ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он

[1] *Ильин И.А.* О сопротивлении злу силою. С. 208.

не напрасно носит меч. Он божий слуга, отмститель в наказание делающему злое». Смертная казнь, замечает Ильин, здесь не воспрещена и не проклята, она допущена как необходимость, но не освящена. Надо сделать все, чтобы палач и меч были бы не нужны. Если же они необходимы, надо их принять. Люди связаны в добре и во зле. Отсюда проистекает необходимость сообща оборонять Родину, веру и святыни. Народ и государство, отмечает Ильин, должны найти согласие в этом деле. В условиях же общественных потрясений, какие ныне переживает Россия, физические понуждение злодея и пресечение злодейства становятся патриотической обязанностью граждан.

Христос призывал любить *личных* врагов, а не врагов Божиих, не совратителей. Для них Христом было уготовано утопление с жерновом на шее. Человек волен прощать *личные обиды*, а не чужие страдания. Он не вправе предоставлять злодеям обижать слабых, развращать детей, осквернять храмы и губить Родину. Именно так понимало древнее русское Православие идею любви и меча, выговорившее устами св. Феодосия Печерского: «Живите мирно не только с друзьями, но и с врагами: однако только со своими врагами, а не с врагами Божиими». Со злодеями, подчеркивает Ильин, необходимо вести борьбу, «но не из личной вражды к ним, а из любви к Богу, к святым, к родине и к ближним».

Христианину в обращении со злодеями достаточно вспомнить великий момент, когда *божественная любовь в облике гнева и бича изгнала из храма кощунственную толпу*: «И сделав бич из веревок, выгнал из храма всех, также и овец, и волов, и деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул» [Иоанна II, 15].

Христос учил любви. Но именно любовь, замечает Ильин, подъемлет жертву неправедности. Взявшие меч погибают от меча. Но любовь может побудить человека принять и эту жертву. Так поступали православное воинство и советские воины. «Ибо браться за меч имеет смысл только во имя того, за что человеку действительно стоит умереть: во имя дела Божия на земле».

Умирающий за такое дело в себе самом, в других людях и в мире отдает «меньшее за большее, личное за сверхличное, смертное за бессмертное, человеческое за Божие». В этой отдаче он делает свое меньшее – большим, свое личное – сверхличным, свое смертное – бессмертным[1]. Таков источник героизма и героев.

Бессмысленно браться за меч тому, кто не знает и не имеет ничего выше себя и своей личной жизни. Себялюбцу вернее бросить меч и спасаться ценой предательства и покорности злодею. Это и предлагают нам сегодня российские непротивленцы. Непротивление злу силою означает объективно по своим последствиям приятие зла, подчинение и самопредание ему, участие в нем, превращение себя в его орудие, орган и рассадник, личное добровольное саморастление и самозаражение, распространение заразы среди других людей. Оно есть разрушение человеком своих собственных «волевых стен индивидуального кремля»[2].

Пока в человеческой душе живет зло, писал Ильин, необходим будет меч – сильный в своей неизвлеченности и в своем пресекающем ударе. И *борьба со злом должна быть в руках лучших людей* – честных, совестливых, религиозно мыслящих.

Весьма спорно утверждение А. Кураева – «нельзя воевать без ненависти». Ненависть – аффективное состояние, она туманит разум. Воины, ведомые ненавистью, как правило, проигрывают сражения. Выигрывают те, кто перекалил начальную ненависть в *уверенность в своей правоте.* Такая уверенность вела к победам полководцев А.В. Суворова и Г.К. Жукова.

Счастливы монахи, ученые, художники и созерцатели, восклицает Ильин: им дано творить чистое дело чистыми руками. Не осуждение они должны нести политику и воину, а благодарность и молитву за них. Ибо «их руки чисты для чистого дела только

---

[1] *Ильин И.А.* О сопротивлении злу силою. С. 209.
[2] *Ильин И.А.* Там же. С. 39.

потому, что у других нашлись чистые руки для нечистого дела». Непротивленцы обязаны подвигам и страданиям тех, кто из поколения в поколение обуздывал зверя в человеке и освобождал других от напряжений отрицающей любви.

Непротивленцы же, пользуясь благами векового дуба, стали подрывать его корни и валить его: они начали осуждать благодетелей, своих защитников, отрицать необходимость пресечения злодейства, ханжески гордиться своей нравственной чистотой. Отвергает путь меча тот, бросает в лицо сентиментальным моралистам Ильин, кто всю жизнь мирился с неправедность «в свою пользу». А когда необходимо принять на себя бремя служения, тогда такой моралист вспоминает о том, что он должен быть безгрешным праведником. Но опять в свою пользу. Если бы теория непротивленцев стала практикой, то на свете остались бы одни злодеи и рабы.

Последние 20 лет средства массовой информации в России не благодарность и духовную поддержку вселяют в души воинов, а нигилизм в отношении вооруженных сил нашей страны; армия предстает как нечто тяжкое, примитивное, опасное и как бессмысленная трата времени для молодого человека. Рефрен один: родители, спасайте своих детей от служения в армии, ибо в армии царят дедовщина, издевательства над достоинством личности и т.д. И так из месяца в месяц, из года в год.

Служение, а, тем более, *жертвенность* для наших либеральных СМИ то же, что красная тряпка для быка. Служить надо интересам сугубо индивидуальным и своему клану, близкой по интересам социальной группе. Все остальное – «демагогия тоталитаризма» для дураков, для «лохов». Между тем в армии самое минимальное количество негатива по сравнению с преступлениями в быту, на улице, на автомобильных дорогах, среди хозяйствующих субъектов (заказные убийства и т.п.). Служба в армии молодых призывников – это продолжение того долга, а бывает, и жертвенности, которые творили на протяжении столетий наши

предшественники ради сохранения и блага Отечества; это школа мужания, патриотизма, волевой подготовки новых поколений.

Чью армию я считаю своей – такова моя идентичность. Вот как И.А. Ильин советовал вселять в юные души образ армии: «Армия есть сосредоточенная волевая сила моего государства, оплот моей родины; воплощенная храбрость моего народа, организация чести, самоотверженности и служения – вот чувство, которое должно быть передано ребенку его национальным воспитателем. Ребенок должен научиться переживать успех своей национальной армии как свой личный успех; его сердце должно сжиматься от ее неудачи; ее вожди должны быть его героями; ее знамена – его святынею. Сердце человека вообще принадлежит той стране и той нации, чью армию он считает своею. Дух воина, стоящего на страже правопорядка внутри страны и на страже родины в ее внешних отношениях, отнюдь не есть дух “реакции”, “насилия” и “шовинизма”, как думают иные даже до сего дня. Без армии, стоящей духовно и профессионально на надлежащей высоте, – родина останется без обороны, государство распадется и нация сойдет с лица земли. Преподавать ребенку иное понимание, значит содействовать этому распаду и исчезновению»[1]. Либеральная публика по-прежнему грызет эту свою старую кость, на которую указывал И.А. Ильин.

Полемика вокруг идей И.А. Ильина: PRO I CONTRA

Острая полемика, которую вызвала книга Ильина, очень поучительна для понимания позиций современных российских либералов, «правозащитников». Она ясно обнажила два умонастроения: православно-патриотическое и либерально-западническое. Мы приведем часть этой полемики[2].

Идеи Ильина поддержали иерархи Русской Православной Церкви, философы и военные. Митрополит Антоний отметил: ес-

---

[1] *Ильин И.А.* Путь духовного обновления // Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. С. 207.

[2] См.: Приложение. О сопротивлении злу силой: PRO I CONTRA. Полемика вокруг идей И.А. Ильина // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. С. 289 – 556.

ли «не казнить не раскаявшихся злодеев, то они будут казнить мирных граждан». Ильин «глубоко и всесторонне понимает христианское учение о степени совершенства и смотрит правде в глаза без замалчивания»[1].

Архиепископ Анастасий Иерусалимский писал, обращаясь к Ильину: «Ваш труд зажигает сердце горящим дерзновением правды. < > Пусть Ваше смелое слово послужит светочем для всех, кто привык честно и нравственно мыслить, не уклоняясь в словесах лукавых. Оно явится укрепляющей солью для нашего словоблудия, приведшего нас к нынешнему плачевному состоянию»[2].

Твердую поддержку оказал профессор П.Б. Струве: «И.А. Ильин есть интересное и крупное явление в истории русской образованности. < > Такого как он русская культура еще не производила». В замечательной книге автору удалось «поставить и в определенном христианском смысле разрешить проблему противления злу силой». Оппонентам Ильина Струве задает убийственный вопрос: «Какой меч благословил Преподобный Сергий Радонежский, и каким мечом сражались иноки Пересвет и Ослябя?»[3].

Историк философии Р.Н. Редлих отметил «неустаревающее значение» книги Ильина, напоминающей о том, что «принципы мирного сосуществования и ненасильственного разрешения конфликтов» имеют «определенный этический предел»[4].

Классик русской философии Н.О. Лосский назвал книгу Ильина «ценной». Профессор православного богословского ин-

---

[1] *Антоний*, митр. О книге И. Ильина // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. С. 372.

[2] Из писем архиепископа Анастасия Иерусалимского к И.А.Ильину // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 5. С. 398.

[3] *Струве П.* О брошюре И.А. Ильина и о нем самом // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. С. 306 – 307, 402.

[4] *Редлих Р.* О сопротивлении злу силою по И.А.Ильину // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. С. 479.

ститута в Париже А.В. Карташев писал: «Чрезвычайно ценной является в книге Ильина глубокая действительно уничтожающая критика индивидуального эгоизма-нейтрализма (этой последней основы всякого непротивленчества), заботящегося только о своем личном спасении, пытающегося отвергнуть … ответственность каждого за все совершающееся»[1].

Профессор А.Д. Билимович обратил внимание на двойную бухгалтерию «гуманистов». В их ожесточенных нападках на книгу Ильина «очень много злобы» и «фальши». Требующие сейчас христианской любви не вспоминали о ней, когда их товарищи по журналу или по партии признавали возможность бросать бомбы в выходящих из церкви губернаторов, разрывая в клочья ни в чем не повинных молящихся. Эти «две мерки уничтожают всякое доверие к их писаниям»[2].

Крайне резко и непристойно реагировали на книгу публикаторы в газете «Правда», в зарубежных масонских изданиях «Дни» А.Ф. Керенского, «Путь» (ИМКА), «Последние новости» П.Н. Милюкова.

Надуманность оценок и развязность тона были крайними. М. Кольцов (Фридлянд), советский фельетонист, оценил работу Ильина как «православие с оправданием еврейских погромов»[3], хотя в книге Ильина не было ни строчки о евреях. Писатель М. Горький в письме К. А. Федину из Италии сообщал: «Профессор Ильин сочинил “Религию мести”, опираясь на Евангелие»[4].

Эсер В.М. Чернов любуется террористами Е.С. Сазоновым и И.П. Каляевым, убившими В.К. Плеве и московского генерал-губернатора, рассуждает о гуманизме («Святейшее из званий –

---

[1] *Карташев А.* И.А. Ильин о сопротивлении злу силою // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. С. 368.

[2] *Билимович А.* Критикам И.А.Ильина // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. С. 450.

[3] *Кольцов М.* Омоложенное Евангелие // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. С. 303.

[4] *Горький М.* <Из писем > // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. С. 452.

Человек»), в свете которого Ильин предстает как «никакой философ», «идеолог православного фашизма, а его книга – как «божественная галиматья»[1].

Известная масонка Е.К. Кускова оценивает террор народовольцев как «подлинный героизм и самопожертвование» в отпоре злу, а работу Ильина как проповедь, которая «отвратительна с моральной стороны» и «опасна с практической»; при этом она рассматривает обсуждаемую книгу вперемежку с публикацией А. Дикого «Евреи в России», подводя читателя к мысли – идеи Ильина чреваты еврейскими погромами[2]. З.Н. Гиппиус в ряде статей отзывается об исследовании Ильина и оценивает его как «военно-полевое богословие» и «палачество». Это не философ пишет книгу, замечает она, – «это буйствует одержимый»[3].

Самой непристойной была большая статья Н.А. Бердяева, послужившая сигналом к ожесточенной травле Ильина. Книга Ильина, настаивал Бердяев, – «застенок моральной инквизиции», «кошмарная», с атмосферой «духовного удушья» и «одержимости злом», с «антихристианской настроенностью», с православием, шитым «белыми нитками», с «языческим обоснованием государства». Ильин – «не русский мыслитель», «чужой человек, иностранец, немец». Он принадлежит «отмирающей эпохе» с ее «культом государства, с ее национализмом» и т.д. и т.п.[4].

В редакционной статье «Дней» ее автор подчеркивает: газета П.Б. Струве «Возрождение» проповедует «фашизм», «изуверство», «мистическое оправдание плетки г-на Ильина» и т.д. и т.п.

---

[1] *Чернов В.* Мир, меч и мір // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. С. 303, 354 – 355, 361, 366.

[2] *Кускова Е.* Религия мести // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. С. 334.

[3] *Гиппиус З.*Н. Военно-полевое богословие // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. С. 376.

[4] *Бердяев Н.* Кошмар злого добра (О книге И.Ильина «О сопротивлении злу силою») // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. С. 378 – 379, 383 – 384, 392.

Н.А. Бердяев и К° дружно били в одну точку – идеи Ильина антихристианские, неправославные и государственно-тоталитарные.

Материалы этой полемики очень напоминают методы современных «дискуссий», в рамках которых линия патриотизма, национального самосознания квалифицируется как угроза «русского фашизма»; так сказать, с позиций *презумпции виновности*.

Сам Ильин такие методы выразил точно: достаточно сказать «мракобес», «черносотенец», «погромщик» и дело сделано. Митрополит Антоний выразился не менее точно – «мелкие, нанятые критики».

Ильин хорошо понимал организованность травли. Из Праги в Париж, из Парижа в Берлин и Ригу, в Иерусалим, писал он, люди списывались и выступали против моей работы. Бердяев, Зеньковский, Гиппиус, Чернов, Степун, Демидов, Милюков, Айхенвальд пытались «изобразить меня кровожадным погромщиком, Торквемадою, помешанным». «Это был просто указ из определенных мне известных центров: идеология Ильина должна быть скомпрометирована[1].

О «центрах» нет нужды строить догадки. «Заграничный Бердяев, – сообщал Ильин архимандриту Константину, – есть *создание масонских лож.* Он вступил в ложу, покидая Берлин и договариваясь с ИМКою. … Отсюда вся история Бердяевщины; но и *Булгаковщины.* Ибо книга Булгакова в защиту Иуды Предателя с попыткой провозгласить Иуду национальным покровителем русского народа … – принадлежит сюда же»[2].

Ильин избегал общества «братьев». «Что же делать нам, зажатым между католиками, масонами и большевиками? Отвечаю: *стоять*, держась *левой* рукой (от сердца идущей) за Господа Христа, за Его неделимый хитон, а правой бороться до конца за Православие и Россию Православную. И прежде всего зорко ви-

---

[1] *Ильин И.А.* О сопротивлении злу силой. С. 276.
[2] *Ильин И.А.* Письма. Мемуары. 1939 – 1954. М., 1999. С. 153.

деть те круги, которые “варят антихриста”. Все сие, – хотя бы грозило полное с виду одиночество. Этому я и посвящаю остатки моей жизни»[1]. «Эту линию духа, *нить духа,* – завещал Ильин, – надо по-ариадниному вести через весь лабиринт Минотавра».

В чем же «центры» усмотрели опасность книги Ильина?

Ильин *похоронил с ясных христианско-православных и государственных позиций масонские установки «терпимости», «толерантности», «политкорректности», рассчитанные на профанов.* Противогосударственная «моральная работа» «братьев» лишилась идейной опоры под неопределенным названием «гуманность». В этом заключается причина исступленной «критики».

Во-первых, Ильин показал необходимость симфонии церкви и государства. Христианин должен принять государственное дело. Оно совместимо с христианским вероучением. Ильин крепил христианское правосознание.

Во-вторых, он указал целевое назначение меча – защищать дело Божие и Родину и не служить иным целям. Государство имеет право сопротивляться злу силою. В противостоянии злу армия есть мужественное начало народа, его духовная воля и сила, ограда национальной целостности и независимости, школа патриотизма, верности и чести, дисциплины и стойкости. Ильин отстаивал волевое служение Отечеству вопреки космополитизму и «гуманизму» ордена интеллигенции.

В-третьих, он возродил древнее православное учение о мече. Это учение увлекло православную молодежь в эмиграции. Оппоненты Ильина были «встревожены» тем, замечает Ильин, что эта молодежь «мыслит не с ними, а с нами»[2].

В-четвертых, а это самое главное для понимания травли, Ильин раскрыл *антиправославную и противогосударственную направленность позиции Бердяева и его сторонников.*

---

[1] *Ильин И.А.* Письма. Мемуары. 1939–1954. С. 154.
[2] *Ильин И.А.* О сопротивлении злу // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 5. С. 259.

Втайне считая государственное дело противохристианским, они, в отличие от Толстого, боятся выговорить это. Уходя от традиции Православной церкви, они не хотят дать государственному делу христианского осмысления, одобрения и укрепления. Они поносят того, кто желает это делать. Они «систематически выдвигают именно противогосударственную традицию и выдают ее за единственно православную». Они таким образом сразу фальсифицируют и Православие, и государственное дело. Они, замечает Ильин, принимают так, чтобы не принять, допускают с тем, чтобы осудить[1]. Их воззрению соответствовала безвольная и предательская «государственность» временного правительства, а также, добавим, бывшего президента СССР М.С. Горбачева.

Такое «приятие» государства, втайне считающее его противохристианским делом насилия, будет и впредь чревато предательством Церкви и Родины. В критический момент, предупреждал Ильин, когда борьба за Церковь и Родину потребует войны или казни, скрытое отвержение государства выйдет из подполья наружу и наложит запрет на меч. Всегда найдутся люди, которые «приемлют» государство, чтобы «пролезть наверх», но у которых это «приятие» настолько неискренне, чтобы предать государственное дело, предоставив злодеям свободу, отвергая наступательную пресекающую борьбу.

В точности исторической прогностики Ильину не было равных в русской философии. В России с 1990-х годов сложилась подобная ситуация.

Бердяев обходит вопрос о *государстве*. Для него «душа отдельного человека стоит больше, чем все царства мира». Но благо государства затрагивает души и других людей, а не только отдельного человека. По Бердяеву, надо ждать от души (злодея) по-

---

[1] *Ильин И.А.* О сопротивлении злу // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. С. 247.

каяния и обращения ко Христу, ибо «отрицание свободы зла делает добро принудительным»[1]!

В этом высказывании Бердяева, раскрыта вся его *безответственность, софистика и путаница, вся шаткость* его мысли и воли, вся «белибердяевщина», вся губительность либеральной установки, делающей идол из сентиментальной гуманности. Слезами и горем народа оборачивается такая «гуманность». Ильин иронизирует: «душа» коммуниста Зиновьева драгоценнее «Российского царства». И надо ждать. Вдруг Зиновьев покается.

Отвечая критикам, Ильин их спрашивал: Как мог преподобный Сергий Радонежский вдохновлять Дмитрия Донского к кровавому побоищу? Почему он не ожидал покаяния татар? Или Сергий Радонежский не дорожил как Бердяев «индивидуальной человеческой душой»? А монахи Троице-Сергиевой Лавры, воевавшие в Смутное время с воровскими шайками, тоже творили вслед за преподобным Сергием противохристианское дело? А святой Патриарх Гермоген, поднимавший грамотами Россию на поляков и воров? А митрополит Ростовский Кирилл вместе с князем Пожарским, организовавший и ведший ополчение на Москву? А наши полковые священники, ходившие с крестом в атаку и благословляющие на смертный бой за Родину? Они тоже извращали христианство и взвинчивали страсти? Что было бы с Россией, если бы царь Алексей Михайлович стал бы ожидать покаяния Степана Разина и его «сволочи», по выражению А.С. Пушкина? Если бы Петр Великий и Екатерина Великая не взяли на себя решимость казнить злодеев? И когда Церковь не осудила правителей, она действовала вопреки христианскому учению? Кто из русских православных святителей, строивших Русь, учил непротивленчеству? Феодосий Печерский? Или епископы, советовавшие Владимиру Святому казнить разбойников? Или Сергий Ра-

---

[1] *Бердяев Н.* Кошмар злого добра // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. С. 386.

донежский? Или Петр, Алексий, Иона и Филипп? Или Гермоген? Или Филарет и Никон? Или Серафим Саровский? Или старцы наших дней?

Что может этому противопоставить толстовствующий непротивленец? Личное «не приемлю»? Но это «нет» имеет не «публичное», а сугубо «личное» значение. Подумайте только: русская интеллигенция, иронизирует Ильин, гуманнее Апостола Павла и Преподобного Сергия, милосерднее Апостола Петра и любвиобильнее Патриарха Гермогена. И традиции наших великих святых оказываются традицией «злого добра»[1].

«Учитесь христианской любви, – обращался Ильин к молодежи, – у Преподобного Сергия, у Патриарха Гермогена, у Александра Невского и не учитесь ей у Льва Толстого и его последователей»[2], равно как и у шаткой нынешней либеральной российской интеллигенции, подтачивающей волевое начало армии.

Злодеи не только убивают. Они намеренно разлагают дух народа: восхваляют зло, лгут, клевещут и льстят, пропагандируют и агитируют. Потом (далее мы процитируем то из книги Ильина, что точно передает доминанту в средствах массовой информации России), «приобретя авторитет, приказывают и запрещают, исключают и понуждают угрозами, искушают, чувственно опьяняя взор и слух, и сознание, угождая дурным инстинктам и разжигая их до состояния страстного кипения. Они будят в душах чувство обиды, зависти, вражды, мстительности, ненависти и злобы, ставят людей в тягостные, унизительные, невыносимые условия жизни, подкупают выгодою, почетом, властью стараются подорвать в душе чувство собственного достоинства, уважения и доверия людей друг к другу, приучают ко злу простой повторностью, бесстыдным примером, незаметным заражением, внушением, расшатыванием воли, привитием порочных душевных механизмов и стремятся покрыть все это явной удачливостью, безна-

[1] *Ильин И.А.* О сопротивлении злу. С. 256 – 259.
[2] *Ильин И.А.* О сопротивлении злу силой. С. 285.

казанностью, гамом упоенного пиршества»[1]. Эти злые импульсы сгущаются, заряжают душевную атмосферу и провоцируют неуравновешенных людей к злодеяниям и убийствам.

В современной России непротивленцы верны прежней тактике. Это – шельмование патриотизма и государства, намеренная деморализация армии в средствах массовой информации, пацифизм, требование отмены смертной казни, проповедь «толерантности» к тому, что нетерпимо, неощутимое, медленное разложение государства, насаждение «гуманности» к злодеям, под прикрытием которой вымирает народ, а меч НАТО приближается к Смоленску.

Непротивленчество на рубеже XX–XXI веков проявляется и в виде пассивного ожидания прихода антихриста, усиления в православных изданиях акцента на «нашем поражении». «Христианство – едва ли не единственное мировоззрение на земле, – пишет А. Кураев, – которое убеждено в неизбежности своего собственного исторического поражения»[2]; «свой последний, итоговый выбор человечество сделает в пользу антихриста, а не в пользу Христа»[3].

Такие суждения парализуют волю у шатких в вере, сеют пораженчество и чувство безысходности, обреченности. Антихрист есть олицетворение зла. И проповеди о его неизбежном пришествии, усиленные многотиражно, суть *проводники зла*; они программируют такое поведение миллионов людей, которое и в самом деле может привести к реализации сумрачных человеческих видений. Может нам хватить ныть?

Зло в современной России интеллектуализировано. Его обосновывают «нанятые гуманисты», многие из которых отрабатывают гонорары, гранты мировых деньгодателей. Необходимо

---

[1] *Ильин И.А.* О сопротивлении злу силою. С. 78.

[2] *Кураев Андрей*, диакон. О нашем поражении. Христианство на пределе истории. М., 2003. С. 11.

[3] Там же. С. 14.

восстановить *иммунную систему* государства по отношению к торжествующему злу и поставить на его пути *молитвенное укрепление духа, законы правосудия и меч воина.* Религиозность, проповедующая непротивленчество, ведет к предательству Родины и государства и работает на «мировую закулису». Для строительства России русский человек нуждается прежде всего «в воспитании волевого характера». Горе тому народу, восклицает Ильин, который утратит волю к борьбе со злом, ибо злодеи истребят его лучших сынов, а оставшихся превратят в своих покорных рабов[1].

История России учит: в годину суровых испытаний любовь ко Христу и меч предполагают друг друга. Образ Божий в душах побуждает к верности, ответственности, служению и самоотверженности. Любимое и совершенное нравственный человек оберегает и защищает словом, делом и мечом. Традиции православных святых противоположны непротивленчеству, и эти традиции призвано унаследовать в XXI веке молодое поколение России.

Заключая, отметим следующее. Лев Николаевич Толстой был силен как художник и как глашатай насущных проблем. Но как разрешитель проблем он шел со своей все подтачивающей доктриной путем разрушителя-интеллектуала. Он был «велик как *художник*, как *мужественный паломник*, но не как *философ с системным мировоззрением*»[2]. Когда он говорил «да» добру, справедливости, совести, он был прав и в своем «да» был одарен глубиной и справедливостью. В своем «нет» культуре и государству он был близорук, нигилист и анархист. Его морализующий рассудок, увлеченный логической последовательностью, предлагал практически нежизнеспособное нравственное совершенство в решении проблем добра и зла[3].

---

[1] *Ильин И.А.* Идея Корнилова // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. С. 227.

[2] *Ильин И.А.* Лев Толстой – художник и человек. С. 495.

[3] Знаменитый академик А.Д.Сахаров – выдающийся русский ученый-физик. Но он подобен Толстому в том, что за пределами своей профессиональной области проявил *непомерный политизирующий абстрактный рассудок*, когда, в частности предложил «Конституцию советских республик Европы и

Если В.И. Ленин оценил произведения Толстого как зеркало русской революции, то доктрина Толстого о непротивлении злу силой предстает как зеркало разрушительной тенденции непротивленцев – либералов и «правозащитников» в современной России.

НАШЕ НАСЛЕДИЕ

И.А. Ильин

ПОЧЕМУ МЫ ВЕРИМ В РОССИЮ[1]

Где бы мы, русские люди, ни жили, в каком бы положении мы ни находились, нас никогда и нигде не покидает скорбь о нашей родине, о России…. Эта скорбь есть проявление нашей живой любви к родине и нашей веры в нее.

Чтобы быть и бороться, стоять и победить, нам необходимо верить в то, что **не иссякли благие силы русского народа,** что не оскудели в нем Божии дары, что по-прежнему, лишь на поверхности омраченное живет в нем его исконное боговосприятие, что это омрачение пройдет и духовные силы воскреснут. Те из нас, которые лишаются этой веры, утратят цель и смысл национальной борьбы, и отпадут, как засохшие листья. Они перестанут

Азии» еще до развала СССР. В Конституции Сахаров предлагает «создание мирового правительства» (Ст. 4), учреждение республик из автономных областей с правом самоопределения и выхода из состава Союза (право на образование республики, по Сахарову, имеют все малочисленные народности, независимо от их численности!; т.е. республик может быть не 15, а сто пятнадцать), с правом каждой республики иметь свою собственную валюту, армию, милицию (Ст. 20, 21), Статья 15 запрещает спецслужбам Союза действовать внутри самой страны, только – за ее рубежами; для иностранных же спецслужб такого запрета нет. Союзным же спецслужбам ловить шпионов и их агентов по Конституции нельзя. Вот за такую Конституцию в августе 1984 года в городе Вашингтоне одна из площадей, где расположено советское (ныне российское) посольство была переименована в «площадь Сахарова», а сам А.Д.Сахаров стал лауреатом Нобелевской премии. Фонд Сахарова финансируется США, Европарламентом, национальный фонд в поддержку демократии. Подробный анализ политических инициатив А.Д. Сахарова дан в книге: Стариков Н.В. Национализация рубля – путь к свободе России. СПб: Питер, 2011. С. 233 – 263.

[1] Печатается по изданию: *Ильин И. А.* О грядущей России: Избранные статьи / Под ред. Н. П. Полторацкого. М.: Воениздат, 1993.